

Возле полустанка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлиан Климович

Юлиан Климович

Возле полустанка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66963678

SelfPub; 2021

Аннотация

Где-то между Нижним Новгородом и Челябинском есть железнодорожная станция, почти полустанок, на которой прошла вся жизнь Любы. Тяжелая, временами невыносимая, но осененная любовью и надеждой.

Содержит нецензурную брань.

Юлиан Климович

Возле полустанка

I

Жизнь у Любы, в ее понимании, была обычная, и не особо интересная. Такая, какую живут почти все. Конечно, хотелось чего-то большего, чего-то о чем мечталось в юности, но это “что-то” не принимало никаких конкретных форм, кроме неустойчивого абриза Жана Маре, прошедшего с ней рядом от райцентровского кинотеатра, где она в двенадцатилетнем возрасте первый раз увидела далеко не новую картину “Принцесса Клевская”, и до ее сегодняшних дней. Люба рано вышла замуж. Вышла по любви за высокого статного парня чем-то отдаленно напоминающего французского актера. Муж, как оказалось впоследствии, любил выпить и по “пьяной лавочке” подраться. Вообще, ее Славика нельзя было назвать даже симпатичным, но Люба полюбила его пусть за отдаленное, но в тоже время такое редкое в их краях внешнее совпадение с французским идеалом. Почему она не развелась в первые два года после свадьбы, пока не родилась дочь, она и сама не знала. Наверное все из-за любви. Ее спрашивала об этом сестра Славика, много позже, когда тот уже почти спился, а Люба продолжала работать в своей столовке для железнодорожных рабочих, в которой в девят-

надцать лет начала трудовой путь, но она так и не смогла ей ничего ответить. Похоже теперь она и не любила этого рано поседевшего человека с обвисшим сизым носом алкоголика, а по инерции, по раз и навсегда выбранной дороге, тащила свой тяжелый крест. Знакомые, друзья и родственники считали, что Люба даже никогда не задумывалась почему ее выбор оказался настолько обременительным, почему судьба наказала ее, такую работающую, безответную. Им казалось, что Люба никогда не считала, что в чем-то обманулась, или ее обвели вокруг пальца, поэтому жизнь свою воспринимала со спокойным долженствованием.

Но они ошибались, Люба постоянно думала о своей тяжелой доле, и сильно переживала по этому поводу, но изменить, конечно, ничего не могла.

Она поступила в ПТУ после восьмого класса, выучилась на повара, а по окончании ее отправили работать в столовку на родную железнодорожную станцию. Небольшая станция, почти полустанок, с каким-то нерусским названием, была малой родиной не только Любы, но и трех предыдущих поколений Воробьевых, рождающихся здесь и умирающих со времен постройки железной дороги, когда ее прадед еще молодым парнем пришел сюда с волжских берегов на заработки. Сорок лет назад на полустанке закончилась электрификация, здесь разместили ремонтные мастерские, большой диспетчерский узел, и еще что-то по железнодорожной части. Почти сразу полустанок переименовали в станцию. На

ней менялись электровозы на тепловозы, здесь же размещался пункт отдыха локомотивных бригад, а путейцы выезжали отсюда на работы. Время стоянок поездов определялось технологическим временем обслуживания. В течение года после знаменательных изменений их маленький железнодорожный поселочек прирос тремя жилыми четырехэтажками. В квартире на последнем этаже одного из домов Люба прожила всю жизнь после замужества.

Столовая кормила железнодорожников, работающих на станции. Если позволяло время, то местные предпочитали обедать и ужинать дома, а вот приезжие столовались у Любы три раза в день. Даже летом вставала затемно. Приготовив завтрак для Славика и дочки, приведя себя в порядок, она шла через весь поселок на работу. Дорога занимала у нее десять минут летом, и шесть зимой. Летом Люба всегда шла не торопясь, или ловя свежие рассветные минуты, или уже по темноте в остывающем дремотном тепле ушедшего дня, слушая и рассматривая через открытые окна поселковую жизнь. Зимой на одном дыхании пробегала от дома до столовой, смешно семеня ногами в высоких негнущихся валенках. Только когда на Новый год уставший старый президент отрекся от трона, и передал власть юркому смышленому приемнику, Любе свезло купить на рынке в райцентре недорогие итальянские полусапожки, в которых с этого времени она бегала зимой на работу. Первые полгода, выходя из дома, или из столовой, она каждый раз как бы любова-

лась собой со стороны, бросая взгляд сначала на свои ноги, а после вокруг, проверяя смотрит ли кто-нибудь на нее. Затем ей это надоело, ежеутренний и ежевечерний проход превратился в рутину. Каблуки сапожек со временем стоптались, их носки, несмотря на старания Любы, вытерлись и посветлели. Она просила Славика подкрасить сапожки специальной краской, а каблуки подбить железными подковками, купленными ею по случаю на рынке райцентра, но муж только брезгливо отмахнулся от работы, по его мнению унижающей его мужское достоинство. Когда сапоги совсем прохудились, Люба уже почти решила ходить в галошах с искусственным мехом внутри, которые только появились в продаже на рынке, но прикинув эстетическую составляющую, приняла решение ходить все-таки в сапожках, и откладывать каждый месяц понемногу на новые.

Вообще врожденное стремление к прекрасному еще с детства определяло ее отношение к окружающей действительности, которую она всегда пыталась украсить. В квартире по одной стене в зале и спальне она расписала картинами. В спальне плавали два белых лебедя, на картине в зале шумела березовая роща над полем с золотистой пшеницей, а в туалете на стенах распускались всевозможные цветы. Некоторые родственники и знакомые сходились во мнении, что между стремлением к прекрасному и умением его увидеть, а тем более создавать, есть огромная разница. Так они говорили между собой вспоминая Любино замужество. С цветной фо-

тографии смотрела молоденькая Люба в длинном свадебном не идущем ей платье, большой белой шляпе, фасоном похожей на ковбойскую, и белых сетчатых перчатках до локтя. Дисгармония ее небольшого носа с большим ртом придавала особую ценность ее чувственным зеленоватым глазам, в которых плескалось море нерастраченной пока любви. Иррациональное стремление иметь светлые кудряшки, заставляло ее раз в месяц обесцвечивать перекисью свои темные прямые волосы и раз в два месяца делать “химию” у школьной подруги разбитной парикмахерши-разведенки, у которой в разное время в любовниках побывали почти все мужики из поездных бригад в возрасте от двадцати до пятидесяти лет. Ни цвет волос, ни мелкие овечьи кудряшки совершенно не шли Любе, но она, начав еще во времена учебы в ПТУ, упорно продолжала себя уродовать. Постоянство, одно из главных свойств характера Любы, которое сделало ее жизнь. Наверное, привычка и боязнь что-то изменить руководят многими людьми, и Люба в этом смысле далеко не уникальна.

– Водки купи! – требовательно завопил ей вслед Славик с дивана.

Люба, надела старую куртку, взяла полиэтиленовый пакет с уже затершимся логотипом “Пятерочки”, сложила его в маленький пухленький прямоугольничек, положила в поношенную сумочку из черного кожзаменителя, и, открыв дверь на лестничную клетку, крикнула:

– Возьму чекушку, тебе сегодня больше нельзя!

– Поллитру сука возьми! – крикнул похмельный Славик.

“Сука” относилась не к Любе, а непосредственно к “поллитре”, которая своим объемом, а значит ценностью превосходила чекушку и заслуживала, чтобы Славик это подчеркнул.

Уже пять лет он не ходил. Раньше Славик работал обходчиком. Однажды по пьяни сильно расшиб ногу о камень, свалившись с насыпи. Врачи сказали, что через месяц он начнет ходить и снова сможет работать. Но когда наступил назначенный срок, Славик не пошел. Он лежал на кровати, диване, сидел в кресле, жаловался на боль в ноге и просил водки. Люба покупала ему чекушку в день, а он, выпив, начинал жалеть себя, свою загубленную жизнь и просить еще водки. Врачи, осматривающие Славика, разводили руками: он полностью восстановился и может спокойно ходить, так они считали, разглядывая рентгеновские снимки и ощупывая ногу. Но Славик не ходил. Его не интересовали собутыльники, друзей у него давно не было, поэтому на улицу ему выходить стало незачем. Через некоторое время врачи отказались продлевать больничный, и Славика, несмотря на все старания Любы, выписали и уволили с работы. Люба начала таскать с работы продукты и кормить мужа. По старой советской традиции у них на станции каждый на своем рабочем месте в меру способностей и в разумных пределах что-то прикармливал, таким образом, чтобы не раздражать начальство сво-

ей жадностью. Раньше она не брала помногу, как-то совесть не позволяла, равнялась на общий уровень приворовывания соседей и знакомых, но теперь Славик не зарабатывал, а потребности их даже выросли так как теперь постоянно надо было покупать лекарства и водку. Люди, понимая положение Любы, почти не осуждали ее, когда видели как она с полным пакетом возвращается с работы. Какими-то правдами и неправдами Славик научился доставать водку помимо ежедневной чекушки, и когда Люба возвращалась с работы, ее встречал красномордый, уже выпивший муж.

Хорошо, что до этого злосчастливого падения, она смогла выдать дочь замуж. Собственно, дочь сама нашла мужика, и это само по себе было чудом, поэтому Люба, привыкшая к несуразности жизни, здраво рассудила, что раз дочь после всех перипетий пристроена, то Славика с его ногой она вытянет.

Когда Маринке стукнуло шестнадцать, у нее “поехала крыша”. Ее, словно вырубленное топором, лошадиное лицо абсолютно не привлекало парней. Умом дочь тоже не блистала, унаследовав его от отца, поэтому в десятый класс ее не взяли. Помыкавшись месяца четыре, никуда не поступив, и никак не зацепившись в жизни, Маринка покатила по наклонной плоскости. Как говорили злые языки на станции, у нее открылось бешенство матки. Полгода Люба выдирала вечно пьяную дочь то на близлежащих станциях, то в райцентре из голодных рук солдат, дальнобойщиков, буровиков.

И только после того, как Маринку чуть не убили вахтовики, которых она заразила гонорей, Любе удалось положить ее в железнодорожную больницу. Там Маринке сделали курс капельниц, пролечили сильными антибиотиками от целого букета разных приобретенных за время помутнения рассудка болезней, и отправили домой. Потерявшая всякую надежду увидеть дочь замужем, Люба пристроила ее к себе в столовку, где та через некоторое время познакомилась с Алмазом, работающим слесарем в депо. Он оказался старше ее на восемь лет и к тому же разведенный. Где-то, где он не говорил, у него осталась жена и дочь, которым он не платил алименты. Появился он на станции совсем недавно, поэтому не являлся свидетелем Маринкиных походов. Доброхоты, каких везде немало, не преминули поведать ему все гадости про Маринку, но Алмаз никак не отреагировал на эти рассказы. Маринке он полюбился тем, что отдаленно напоминал отца. Не нынешнего, а отца ее детства: большого, сильного, почти всемогущего. Алмазу Маринка понравилась высоким ростом, белой кожей, голубыми глазами и светлыми, не в мать, волосами. В глухой татарской деревне, где он родился и вырос девушки были совсем другими, поэтому обладание такой женщиной было для Алмаза неким фактором повышения самооценки, как говорят заумные психологи. Несмотря на все предыдущие сложности личной жизни, а может благодаря им, Маринка и Алмаз крепко сошлись, как две застигнутые половинки замка “молния”. После нескольких лет

безуспешных попыток сделать ребенка естественным путем, измучившись и почти отчаявшись, Маринка поехала в республиканский роддом на программу ЭКО, и, наконец, забеременела, а через девять беспокойных месяцев, сопровождающихся жестокой интоксикацией, истериками, диспансеризацией на сохранение, она родила крепкого мальчишку, которого назвали Марс. Алмаз за это время перешел в локомотивную бригаду и по несколько дней отсутствовал на станции. Когда у него родился сын, он находился за сотню километров от дома. Имя они подобрали задолго до рождения сына. Когда счастливый отец вернулся домой, он тут же пригласил муллу, который произвел обряд обращения новорожденного в Ислам.

Алмаз неукоснительно соблюдал все мусульманские праздники и обряды. Сначала Любу бесила такая религиозность зятя, ведь сама она еще с конца девяностых стала заходить в церквушку, наспех переделанную из их маленького станционного клуба. Новая непропорционально большая маковка с отполированный латунным крестом нелепо торчала на коньке одноэтажного шлакозасыпного зданьица, и выглядело это как если бы древней старушке надели белый колпак сестры милосердия. В этой церкви Любу крестили, несколько раз она ходила на службу и причащалась, но вскоре, правда, стояние перед алтарем, где раньше находился киноэкран, а в зале на задних рядах они целовалась со Славиком, превратилось для нее в какую-то неправдивую

пустышку. Люба не могла сосредоточиться и молиться. Алтарь, оклеенный бумажными образами в жестяных окладах, вызывал у нее чувство поддельности. В противоположность их церковки, старинный собор в сорока километрах от станции в некогда большом селе вызывал у нее слезную радость от восхищения собственной приобщенности к большому и красивому. Здесь Люба подолгу и с удовольствием молилась. Однако, после того как Славик заболел, она перестала ездить в собор совсем, прервав и без того крайне редкие посещения. Надо сказать, что главной причиной этому стала глубокая обида на Бога, который не услышал ее молитв про Славика. Явив чудо с обретением Маринкой непьющего мужа, Господь попустил болезнь Славика, что для Любы было гораздо тяжелее, поскольку Маринка могла бы жить с ними без мужика до самой их смерти, и Любе было бы не так тяжело тащить мужа, но такой кульбит пошатнул ее веру в Божественную справедливость.

Как все это она пережила Люба и сама не знала, но с некоторых пор у нее начал сильно болеть желудок. Она почти перестала есть, и когда совсем похудела и осунулась, директор столовой, хороший мужик чуть старше ее, настоял чтобы она пошла к врачу.

Еле доволочив ноги до квартиры, Люба открыла дверь. В нос привычношибанул застоявшийся воздух, насыщенный перегаром, дымом дешевых сигарет, и несвежего белья. Славик принципиально мылся раз в неделю, и вообще был

очень неряшливым. Чистое влажное полотенце, которое Люба каждый раз оставляла рядом с ним, уходя на работу, Славик никогда не использовал. Проснувшись, он первым делом закурил, а потом на костылях тащился в туалет. Люба разулась и надела тапочки на когда-то стройные, а теперь распухшие от постоянного стояния перед плитой, ноги. Она прошла на кухню, открыла форточку, и обессилено села на облезлую табуретку.

“Надо покрасить на кухне”, – машинально подумала она, потухшим взглядом окидывая старый стол, три неодинаковые табуретки, подвесной ящик и большой напольный двухстворчатый шкафчик с покосившимися дверцами, накрытый пожженной окурками столешницей. Новый белый холодильник, гордо выглядывая из коридора, казалось презрительно урчал, глядя на своих соседей по кухне. “Мойку поменять надо будет тоже”, – отметила Люба. “Пенсию Славе дадут, с нее куплю краску и мойку. Алмаза попрошу мойку поменять. Маринка, конечно, зажадничает его отпускать нам что-то делать. Вот ведь выросла жадная такая, и откуда что берется? Маленькая была ни в чем ей не отказывали, братьев-сестер не было, никто ничего не отбирал, а выросла жадная до ужаса”. Ее мысли прервал муж.

– Любка ты че ли? – раздался из зала нетрезвый голос Славика. – Водки принесла?

Люба встала и пошла в зал. Славик сидел на балконе и курил, вытянув больную ногу между железными прутьями

ограждения. За время болезни он обрюзг, нос скрючился и весь покрылся синими прожилками. Врачи говорили, что через месяц после травмы, когда все прошло, Славик просто не захотел ходить, поэтому спустя полгода его нога действительно отнялась и он уже на самом деле не мог ходить, хотя, видимо, такое положение его более чем устраивало, и он осознанно, а может бессознательно шел к этому.

Люба прошла к нему на балкон и встала рядом. Метрах в пятистах от дома ветвилась путями сортировка. Маневровые, громко гудя, гоняли вагоны, возле депо тепловозы и электровозы ждали своих составов, чтобы утащить их каждый в своем направлении.

– Люблю я дорогу, – проникновенно, как это он мог говорить только выпив, сказал Славик, глядя на пути, исчерченные разного рода воздушными силовыми проводами, частью скрытые большими тополями. – А я ведь скучаю по работе, – слезливо признался он. Чуть помедлив, глубоко затянулся, а затем спросил, – Ты водки принесла?

Люба молча показала головой в сторону кухни. Славик бросил окурок вниз, и встав на костыли, подтаскивая отнявшуюся ногу, отправился за бутылкой. Люба еще немного постояла, вдыхая теплый летний воздух, где перемешивались запахи полыни, березы, дуба, машинного масла, горячего железа, и с тяжелым чувством обреченности вернулась в квартиру. Из кухни доносился звук наливаемой в стакан водки. Люба прошла в спальню. Переделась в домашний застиран-

ный халатик. “Они мне все говорят, чего я его не брошу. Куда я его выгоню, что он без меня будет делать?”. Люба рассуждала и в то же время подбирала лежащие на полу вещи, разбросанные Славиком утром. Сегодня ему было особенно плохо, поэтому он раскидывал в приступе алкогольной истерики все вещи, попадавшие ему под руку, когда она отказалась бежать за водкой.

Раздался звук упавших на пол костылей.

Есть совершенно не хотелось, ее подташнивало. Последнее время желудок болел все сильнее и сильнее. Люба что-то принимала по совету подруг, но это не помогало.

– Картошку пожарить? – спросила она, войдя на кухню.

Славик спал, положив голову на сложенные на столе руки. В правой руке он сжимал стакан. Костыли валялись рядом. Ополовиненная бутылка стояла посередине стола. “Все кланяется своей родимой”, – с печальной грустью констатировала Люба. Закатные лучи позолотили седую голову мужа.

– Вставай, пойдем спать, – она привычно растормошила мужа, положила его руку себе на шею, и стала поднимать.

– Любка, дай водки, – промычал он.

– Сначала в туалет сходим, а потом спать ляжешь.

Славик не сопротивлялся. Он бессознательно подпрыгивал, опираясь на Любу. Благодаря навыку, приобретенному частыми тренировками, они быстро добрались до туалета.

Люба проснулась часа в два ночи. Сильно болел желудок, вернее то, что от него оставили хирурги. Холодный свет фонарей с железной дороги мертвенно бледно освещал комнату, ее парик, надетый на перевернутую трехлитровую банку, храпящего Славика, кучку лекарств на прикроватный тумбочке. Свежий весенний воздух вливался в комнату, разбавляя тяжелый запах перегара и лекарств. Люба разговаривала с Богом. Они стали общаться чуть меньше года назад, когда Люба всю ночь лежала без сна, страдая от сильной боли и чувства одиночества, которое обертывало ее словно саваном, отгораживая от мира. Дочь была поглощена заботами о сыне и муже. Она редко заходила к родителям. Приходя, Маринка приносила двести-триста грамм какой-нибудь карамели, и немного посидев, спешно уходила. Перед дверью Люба вкладывала в готовую для этого руку дочери две-три тысячи рублей, которые так напоминали плату за посещение, что даже Маринка брала их украдкой. Одиночество, пустота давили Любу, потихоньку высасывая душу и поселяя болезнь. Люба страдала не находя понимания у дочери, которая стала вполне счастливой в своей семье, совсем отгородившись от родителей, как от прокаженных. Она лишила бабушку возможности видеть внука. Маринка, начавшая как-то незаметно, но со временем все больше осуждать мать, всю жизнь терпящую мужа алкоголика, перестала приводить Марсика к бабушке. К себе она уже давно не приглашала мать, по-бабски

боясь, что та занесет в ее дом вирус несчастья.

По ночам, задавая разные вопросы Богу, Люба научилась получать от него ответы, которые звучали из селектора дежурных по станции. Иногда Бог ругался, иногда сердито что-то выговаривал, иногда что-то безразлично констатировал, но чаще всего указывал. Он говорил разными голосами, но непременно громко и как-то мощно, как будто вспышка в этот момент озаряла ночь. Так ей казалось. Но такого ответа ей приходилось иногда ждать подолгу. Чаще Люба задавала вопросы, на которые требовался простой ответ “да” или “нет”, и ждала гудка маневрового или проходящего поезда. Только по устанавливаемому ею самой признаку Люба определяла какой ответ прозвучал положительный или отрицательный.

Сейчас она лежала неподвижно на спине, смотрела в белый потолок. Накануне вечером она приготовилась умереть этой ночью. Она давно хотела умереть. Когда похмельный Славик гнал ее за водкой она хотела умереть, и сразу после операции она тоже хотела умереть, и когда ела по несколько ложечек куриного бульонах два раза в день сидя на продавленной больничной койке в переполненной палате, она не хотела жить, но вот в этот самый момент, именно тогда когда она ждала прихода смерти, лежа в своей постели, Люба поняла, что ей надо остаться жить, надо продолжать свой земной путь, и что это настолько важно, что перевешивает всю непомерную усталость от ее казалось бы беспросветной жиз-

ни. “Господи, дай мне силы вылезти из этой ямы. Мне надо Славку тянуть, без меня он пропадет, Маринка сразу его сдаст в дом престарелых, а он слабый, он там быстро умрет. Маринке тоже надо помогать, ее Алмаз почти никогда не бывает дома из-за своей работы, получает мало, он и Марсик нехристи к тому же, кто ей кроме меня поможет? Господи Иисусе, помоги мне выздороветь. Очень прошу, пожалуйста, Боженька”. Почему-то сейчас она не ждала ответа, она просто просила, мысленно представляя образ со старой бабушкиной иконки, на которую любила смотреть в детстве, когда приезжала к ней погостить в деревню. И тут прогремел голос: “Даю “зеленый”, а через несколько секунд будто с облегчением прозвучал длинный гудок тепловоза. Слезы радости потекли у Любы из глаз. Они горячими каплями стекали по бороздкам морщин в уголках глаз, по впалым вискам, и дальше по почти голому черепу скатывались на подушку.

III

Славик выглядел помолодевшим. Подстриженный и побритый, он стоял, опираясь о перила балкона и смотрел на Сортировку. Рядом с ним стояла тросточка. От костылей он избавился месяц назад. Люба в прихожей примеряла летнюю плетеную шляпку, белые широкие поля которой выгодно закрывали все еще не отросшие до конца волосы. Вчера заходила Маринка с Марсиком, посидели дольше обычного.

Внук носился по квартире, прятался по всем углам от деда. Славик его обожал.

– Почему ты почти не разговариваешь с Мариной? – громко спросила Люба и повернулась в профиль, разглядывая себя в зеркало.

Славик молча курил, не обратив никакого внимания на вопрос жены.

– Слава, ответь, чего делаешь вид, что не слышишь?

В последнее время Люба была практически счастлива. У дочери все хорошо, Алмаз работает, не пьет, сына любит. Девчонки обходчицы правда говорят немного налево гуляет, ну да у мусульманцев всегда так, они же вообще многоженцы. Русские тоже бабники страшные попадают, но Славик, например, не гулящий, а так-то все они кабели. Славик пить перестал. Вот такое чудо у Любы в жизни второй раз случилось, после Маринкиного замужества. И сама она как-то на поправку пошла. Второй раз уже проверялась, рецидива нет.

Она закончила примерку и вышла на балкон.

– Так чего молчишь, спрашиваю? С Мариной почему не общаешься, дочь твоя все-таки?

Люба сегодня находилась в приподнятом настроении. Они со Славиком едут на рынок в райцентр за новыми сапогами для нее. Зимние-весенний сезон только закончился, и сейчас можно было купить со скидкой нераспроданные демисезонные вещи. Жизнь наконец начинала “поворачиваться лицом” к Любе. К тому же ей и Славику назначили пен-

сию по инвалидности, поэтому они уже почти раздали долги, которые накопились за время ее болезни.

Солнце ярко освещало балкон, припекая макушку Славика.

– Буду, буду...., – он кивнул, и внимательно посмотрел на змейку длинющего товарняка, ползущую мимо депо.

Сначала состав шел из обычных товарных вагонов, а затем появились пузатые нефтеналивные цистерны с черными подтеками. “Вот жизнь такая же, то белая, то черная полоса”, – подумал он философски. Он не мог сказать Любе всего, что стояло за его сегодняшним отношением к дочери, потому что жизнь последние шесть-семь лет прошла под колоссальным прессом смешанных чувств из-за ее тогдашнего совершенно безумного загула. Славика, относительно честного советского трудягу, иногда изменявшего жене, что было естественным в коллективе с большим количеством одиноких баб, но никогда им ничего не обещавшего, в меру выпивающего дома и на работе, имеющего определенную репутацию среди своих друзей-железнодорожников, вдруг узнавшего, что его дочь-малолетка не просто шалава, а блядь подзаборная, которую имеют все кому не лень, подкосил этот чудовищный факт. Он почувствовал абсолютную свою беспомощность, после нескольких тщетных попыток закрыть ее дома, предварительно сильно избив. Маринка, словно сорвавшаяся с цепи сука, презрев любую опасность, спускалась вниз по балконам, и убегала. Для Славика такая животная

потребность дочери являлась страшнейшим наказанием. Он не мог смотреть в глаза людям, испытываемый позор был настолько огромным, что выпиваемая водка, ни на секунду не могла заглушить его, но Славик все пил, пил до потери сознания, находя выход в забвении, как его дочь необъяснимым образом что-то находила в безостановочном нравственном падении. Пока Люба, наплевав на все трудности, опасности, общественное мнение и презрение, вытаскивала дочь из бездны, Славик спивался. Он теперь пребывал только в двух состояниях: хмельное забытие и похмелье. Причем похмелье становилось все страшнее и беспощаднее, а опьянение короче и безрадостнее. Когда Люба привезла Маринку из больницы домой, дочь пыталась не попадаться на глаза вечно пьяному отцу, который пообещал ее убить собственными руками. Она бесплотной тенью перемещалась по квартире, при любом шуме прячась или на кухне, или в ванной, или на лестничной клетке. Но Славику было не до нее, колыхнувшееся в душе нечто отцовское, когда он увидел посеревшую после болезни дочь, исчезло бесследно, вытесненное чувством отвращения. Беспомощность и жалость к себе, поощряемые не любовью, а сочувственным отношением Любы, овладели Славиком. Когда он пьяный, скатившись вниз с насыпи, лежал на боку, не чувствуя разбитую ногу, в эту минуту он с облегчением понял, что теперь уже никогда никуда не надо будет идти, не надо будет ни за что бороться. После этого началась его полная деградация. Но всё так или

иначе когда-нибудь заканчивается.

Переворот в мозгах Славика произошел в момент, когда Люба лежала в больнице на контрольном обследовании после операции. Тогда кончилась вся выпивка в доме, соседи отказывались открывать ему двери, опасаясь буйного, неуправляемого Славика, у которого началось жесточайшее похмелье. “Отходняк” ломал его с неумолимостью бульдозера. Трясущимися руками он минут пять пытался набрать номер Маринки. Пальцы скакали и не слушались. Та пришла часа через два, и принесла поллитровку. Посмотрев на отца, она сказала: “Больше не звони и водку не проси”. Развернулась и ушла. Славик не обратил на ее слова никакого внимания. Лихорадочно открутив крышку у бутылки с самой дешевой водкой, он тут же прямо из горла ее ополовинил. Через две минуты, уже скошенный тяжелым и вязким, как горячий гудрон, сном запойного алкоголика, он валялся на полу прихожей в луже собственной мочи. Бутылка стояла рядом. Через три часа Славик проснулся, и осторожно нащупав спасительную бутылку, выпил остатки. Сон не приходил. Он вскарабкался на костыли и пошел курить на балкон. С самой свадьбы приученный Любой курить вне квартиры, Славик сохранял эту привычку несмотря ни на что. Это единственная привычка, которая не позволяла ему окончательно оскотиниться. Он сидел на старой табуретке, которую когда-то сам сделал. Глубокая ночь, как волшебница, скрыла от взгляда все окрестности, только железная дорога светилась и

не спала. Время от времени проходили поезда, грузовые составы, майским жуком ползал по блестящим путям черный маневровый. От его медленных перемещений Славику становилось все хуже и хуже. Тошнота, чернота, тоска начали медленно сжимать горло. Захотелось убежать куда-нибудь от этого, но бежать было некуда, везде царила ночь. Славику овладела паника. Он стал задыхаться. Ему мерещилось, что вместо ночного воздуха он оказался в черной воде. Судорожно вытащив из кармана телефон, он кое-как набрал Маринку. Дочь сбрасывала звонки. Славик понял, что спасения нет, он совершенно одинок, и что сейчас захлебнется. Он посмотрел вниз, и простое решение само собой пришло в голову. Он тяжело поднялся и попытался перегнуться через перила. Вдруг со стороны Сортировки громко раздались: “Стоп. Ожидай”. Славик инстинктивно остановился и посмотрел на пути. Перед красным семафором стоял неугомонный маневровый. Приказание прозвучало так резко и повелительно, что тоска и страх отступили. Зазвонил телефон, который все еще был в руке. Он в недоумении посмотрел на него, затем нажал на кнопку ответа. Из трубки он услышал голос Любы.

– Слава, Слава, алло! У тебя все хорошо? Мне так мутно на душе стало, что я решила тебе позвонить прямо сейчас. Как ты?

Ее голос дрожал, слезы слышались с каждым словом. “Как, однако, все это странно”, – подумал он. Впервые за

несколько лет у него не возникло желания сначала наорать на нее, а затем пожаловаться на свою отвратительную жизнь, на похмелье, на дочь.

– Все нормально, Люба, – неожиданно для себя произнес он.

– Слава, что с тобой?! – испуганно вскрикнула Люба.

Такой ответ ее напугал больше, чем если бы он не ответил вовсе. “Любой” Славик почти никогда ее не называл по имени, всегда используя слово “мать”.

– Говорю же, все хорошо, – четко выговаривая слова, произнес он.

Славик глядел на маневровый, который прицепил большой товарный состав, и теперь тащил его к тепловозу, который должен пойти на восток. “Заре навстречу”, – вдруг вспомнилась строчка из школьной программы далекого детства. Воздух стал светлеть, предвещая скорое окончание ночи.

– Люба, у меня все хорошо. Ты как?

В этот момент Славик не врал, он действительно почувствовал себя хорошо. Люба, в свою очередь, беспокоилась все больше. О здоровье Славик ее вообще никогда не спрашивал. От невозможности что-либо понять, она бессильно заплакала.

– У меня тоже все хорошо, – сквозь слезы ответила Люба.

– Не плачь, все наладится, я чувствую..., – успокаивающе сказал Славик. – Чего тебе привезти? Я завтра Маринку

к тебе пошлю.

– У тебя правда все хорошо? Ты какой-то ненормальный, – решила в лоб спросить Люба.

– Нормальный я, – раздражаясь на ее настороженное недоверие, ответил он. – Просто что-то изменилось, сам не знаю что... Но вот, думаю, тебе надо фруктов там, апельсинов-витаминов привезти. Я завтра Маринке скажу. Так что, надо? – немного смутившись спросил он.

– Пусть привозит, – согласилась она.

Любе стало “нестерпимо приятно”, так она определила переживаемое чувство, как будто мама погладила по голове. Она почувствовала невысказанную любовь Славика. Любовь, которой быть может и не было, когда они поженились, и когда она родила ему дочку, но которая сейчас точно летела по радиоволнам от него к ней. Тепло его внимания, такого неожиданного, как второе пришествие Христа, растопило весь тот лед одиночества, который сковывал ее на протяжении последних нескольких лет.

Когда выяснилось, что у нее рак, Люба спрашивала у Бога за что ей такое жестокое наказание, ведь она в жизни ничего страшного не сделала: никого не убила, не ограбила, не предала. Бог посредством гудков, голосами дежурных диспетчеров говорил, что это не наказание, а что-то, что ей непременно надо пройти, чтобы обрести любовь. Эти ночные ответы были для нее тогда странными и необъяснимыми.

Теперь Люба поняла, о чем Он ей говорил.